

Общая психология, психология личности, история психологии

УДК 159.923 + 159.9.072 + 159.91

DOI: 10.14529/jpps200301

ХАРАКТЕРИСТИКА ФЕНОМЕНА ЛЖИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

С.А. Башкатов, С.М. Гайнуллина

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия

Обоснование. В статье представлены результаты анализа исследований категории лжи, выполненных в XX–XXI вв. отечественными и зарубежными учеными. Многие авторы отмечают, что лживость как психологический феномен изучена непоследовательно и фрагментарно. Феномен лжи достаточно обширен, и это усложняет его описание и формулировку его определения как целостного психического явления, требующего своего научного обоснования. **Цель.** Сравнительный анализ отечественных и зарубежных исследований, посвященных изучению феномена лжи. **Результаты.** Установлено, что в XX в. исследователи перестают изучать нравственную сторону лжи, отдавая предпочтение ее формально-динамическим признакам. В XXI в. зарубежными специалистами описывается механизм когнитивного искажения и контроля, вербальные и невербальные признаки обмана. Активно изучается психологический портрет лжеца, феномен ложных воспоминаний, роль ответственности, волевых качеств и поведенческих признаков в распознавании лжи, проводятся исследования с применением полиграфа. Отечественная наука уточняет феноменологию лжи, ее психологические и психофизиологические механизмы, уделяет особое внимание субъективной истинности воспоминаний лжеца. **Заключение.** Существенной особенностью отечественных исследований психологии лжи в XXI веке является направленность на выяснение ее психологических механизмов, основанных на феноменах субъективного конструирования воспоминаний, ложной истинности воспоминаний и ложного отрицания события.

Ключевые слова: *ложь, история исследования лжи, феномен лжи, отечественная и зарубежная психология, современность.*

Введение

В статье представлены результаты анализа исследований категории лжи, выполненных в XX–XXI вв. отечественными и зарубежными учеными. Для поиска отечественных работ использовали базы данных Электронной библиотеки Российской государственной библиотеки и Российской научной электронной библиотеки – library.ru. Для выявления работ зарубежных авторов проанализировали журналы из базы данных Web of Science (область «Социальные науки и науки о поведении»). Проблема исследования феномена лжи, несмотря на длительный период изучения, не потеряла своей актуальности до настоящего времени. Даже наоборот, интерес к данной теме в последние годы значительно возрастает. Многие авторы отмечают, что лживость как психологический феномен изучена непо-

следовательно и фрагментарно. Феномен лжи достаточно обширен, и это усложняет его описание и формулировку его определения как целостного психического явления, требующего своего научного обоснования. В указанной связи представляется целесообразным провести сравнительный анализ отечественных и зарубежных исследований, посвященных изучению феномена лжи, выполненных в XXI веке.

Результаты и обсуждение

Анализ литературных источников свидетельствует, что ложь выступает в качестве многоаспектного явления, изучавшегося на протяжении всего периода развития человеческого общества. Анализируя труды античных философов, А.Г. Мясников (2009) пишет, что «у древнегреческих философов было неодно-

значное отношение ко лжи и правдивости: с одной стороны, ложь вредна и порождает недоверие и даже презрение к лжецу, а с другой стороны – она может быть полезна». В частности, Платон, сравнивая значимость правдивости и лживости в решении житейских вопросов, замечает, что они не противоположны друг другу, а выступают в смешанном виде. Это делает их стратегическими средствами в достижении блага в жизни искусного и благоумного человека (Мясников, 2009). Из сказанного Платон делает парадоксальный вывод, что человек, сознательно поступающий несправедливо, будет человеком более достойным, так как он может достичь большего блага, нежели тот, кто не умеет лгать.

Ученик Платона Аристотель (384–322 до н. э.), рассуждая об уместности и своевременности правды, характеризовал правдивость как нечто, что можно принести в жертву ради выигрыша в жизненной ситуации. В связи с этим Аристотель рассматривает правдивость в качестве условной добродетели, которая наиболее полезна и приятна в дружеском общении. По Аристотелю, правдивость не может быть безусловной, она должна быть подчинена полезности поступка (Мясников, 2009).

Цицерон (106–43 до н. э.), в отличие от Платона и Аристотеля, писал, что правдивость наряду с храбростью, величием духа, добротой и простотой выступает в качестве одной из ценностей, составляющих справедливости. У Цицерона полезность не может быть отделена от моральной правильности поступка. Он отмечает, что нельзя разделять нравственное и полезное, так как этим открывается возможность для оправдания преступлений и злоупотреблений. Цицерон делает категоричный вывод: «Либо то, что кажется полезным, не должно быть позорным; либо, если оно позорно, оно не должно казаться полезным» (Цицерон, 44). Таким образом, Цицерон полностью отрицает возможность оправдания использования лжи в практической жизни человека.

Приведенная информация свидетельствует о достаточно лояльном отношении ко лжи древнегреческих мыслителей и о полном отрицании ее использования с нравственных позиций, принятых в древнем Риме.

Исследуя проблему обмана в контексте средневекового благочестия, Ю.Е. Арнаутова (2018), отмечает, что в этот временной период

развития человеческой цивилизации наблюдается тенденция неоднозначной оценки феномена лжи. Автор с одной стороны приводит слова апостола Павла: «Бог верен, а человек лжив», а с другой – особо выделяет явление сознательного отступления от истины, типичным примером которого выступает так называемый благочестивый обман, то есть ложь из душеспасительных побуждений во славу Господа и его святых.

По мнению мыслителей христианского средневековья, ложь была привнесена в общество дьяволом, восставшим против Бога (Карабыков, 2013). Автор приводит суждение Аврелия Августина (годы жизни 354–430) о том, что ложь и истина несовместимы, «благая» ложь представляет собой фикцию, так как не существуют истинно благие цели, к достижению которых мог бы привести обман. То есть ложь может обеспечить получение только ложного блага, представляющего собой зло.

Таким образом, в европейском средневековье существовало две основных культурных позиции в отношении общества к феномену лжи. Первая принадлежала духовенству и заключалась в терпимом отношении к отступлению от истины, второй придерживались средневековые мыслители, радикально отрицавшие приемлемость употребления лжи в общественной жизни.

Теоретическую значимость имеет сравнительный аспект феномена лжи в христианстве, исламе и буддизме (Рябинская, 2015). Автор отмечает, что ложь признается греховной с точки зрения каждой из этих мировых религий. Христианство, ислам и буддизм обещают лгущим грозные последствия: попадание в ад – в первых двух случаях или отрицательные кармические последствия – для буддистов. При этом наиболее сильно осуждаются ложные клятвы в христианстве, показная религиозность в исламе и искажения текстов трипитаки в буддизме. Автор заключает, что хотя все эти религии осуждают ложь, но допускают исключения в определенных случаях.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что феномен лжи сопровождает человеческое общество с самого начала его развития. Представляется важным, что этот феномен подвергался официальному ostracism различным культурами в Древнем и Средневековом мире, но принимался в качестве неизбежного стиля общения, с которым обществу приходится мириться и сосуществовать.

Изучение феномена лжи с позиций научной психологии начинается зарубежными психологами с середины XIX века. Одним из первых авторов, проанализировавших роль лжи в общественной жизни, был британский журналист Ч. Маккей, издавший в 1841 году сборник исторических очерков «Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы», где подробно описал явления общественной жизни, которые, по его мнению, были порождены безумством и заблуждениями толпы, а именно: национальными помешательствами и философскими заблуждениями. З. Фрейд (1901) определял ложь как языковую оговорку. В своей работе «Психопатология обыденной жизни» он показал, что повседневные ошибки, к примеру оговорки, не являются случайностью и репрезентируют внутренние психологические противоречия. Оговорку автор определяет как своеобразное орудие, которое выявляет то, чего не хотелось говорить, тем самым выдавая самого себя.

В начале XX века К. Мелитан (1903) оценивает ложь как безнравственность, потому что в поступках лгущего присутствует то, что необходимо скрыть. Автор считает, что на протяжении всей жизни человеку приходится скрывать свое истинное «Я», что неизбежно приводит его ко лжи. Человек лжет, чтобы соблюсти элементарные правила вежливости, или, привыкнув, прибегает ко лжи всегда, когда это для него выгодно.

Понимая ложь как «психосоциологический акт внушения», Ж. Дюпра (1905) характеризует его как инструмент, с помощью которого стараются посеять в уме другого какое-либо верование, которое сам внушающий считает противным истине. Автор замечает, что возможно и ненамеренная суггестия. Позже В. Штерн (1922) рассматривает ложь как «сознательное неверное показание, служащее для того, чтобы посредством обмана других достичь определенных целей». В. Штерн описывает три признака лжи: 1) осознание ложности высказывания; 2) намерение произвести обман; 3) получение целесообразной выгоды от обмана. Он утверждает, что ложь реализуется только на уровне сознаний и не может быть исполнена бессознательно.

Связывая понятие лжи с «волевым деянием, направленным на результат», О. Липманн (1929) объясняет, что «волевому акту присуще наличие внутренних или внешних тормоз-

ных ограничений, обусловленных одновременным присутствием в сознании лжеца как ложных, так и истинных представлений». Липманн по примеру конфликта эго и суперэго, описанных Фрейдом, считает, что человек лжет в случае победы ложных представлений, обусловленных их практической выгодой, или человек говорит правду в случае победы истинных представлений, обусловленных нравственностью.

В 1967 году американский психолог П. Экман начинает изучение феномена лжи, что приводит его к написанию знаменитой книги «Психология лжи». П. Экман (1993) определяет ложь (обман) как «действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления о своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды». Автор выделяет два вида лжи: умолчание и искажение. В первом случае скрывается истинная информация, а во втором – лжец скрывает правду, заменяя ее ложью. Заслуживают внимания взгляды немецкого философа-идеалиста М. Хайдеггера (1991), который рассуждая о сути истины, определяет ложь как неистину и выделяет ее основные признаки: искажение, заблуждение, обман и видимость.

Британский исследователь О. Фрай (2005) проанализировал результаты исследований феномена лжи, выполненные многочисленными авторами в конце XX века (Bell K.L., De Paulo B.M., Edinger J.A., Ekman P., Frank M.G., Kohnken G., Lane J.D., Patterson M.L., Rosenthal R., Steller M., Vrij A., Zuckerman M.). Анализ показал, что в ситуации лжи человек переживает три различных психических состояния, модулирующих поведение лжеца. Фрай назвал эти состояния подходами, подчеркивая при этом, что лгущие могут использовать все три подхода, и их нужно анализировать совместно. Первый подход – эмоциональный, предполагающий, что ложь может вызвать следующие эмоции: чувство вины, страх и эмоциональный подъем. Второй подход основывается на семантическом содержании ложной информации, предполагает высокую активность когнитивных процессов в ситуации обмана. О. Фрай, в частности, указывает, что ложь может быть сложной когнитивной задачей, так как человек вынужден выдумывать правдоподобные ответы и лжец должен помнить все, что говорил ранее. Тре-

тый подход заключается в контроле собственного поведения в ситуации лжи, выражающегося в маскировке эмоциональных и когнитивных реакций.

Таким образом, в зарубежной психологии XX века ложь рассматривалась как признак безнравственности; как сознательное или бессознательное внушение какой-либо информации; как осознанное неверное показание, преследующее личную выгоду; как сложное психическое состояние, затрагивающее эмоциональную и когнитивную сферы.

Изучая феномен предвзятости подтверждения или когнитивного искажения J. Masip с соавторами (2006) определили, что в механизме когнитивного искажения участвуют три механизма предвзятого суждения о действительности: предвзятый поиск информации, предвзятая интерпретация, предвзятость памяти (Officers as lie detectors ..., 2006).

Проанализированы вербальные и невербальные признаки обмана, уделяя особое внимание зависимости между временем ответа и чувством вины. Например, определено, что пауза, сделанная перед ответом на поставленный вопрос, не всегда является признаком обмана (Reynolds et al., 2011).

Представлены результаты исследования влияния психического состояния, связанного с ложью, на силу реакции исполнительного (когнитивного) контроля поведения (Debey et al., 2012). Было установлено, что ложь требует повышенного когнитивного контроля, сопровождающегося повышенной концентрацией внимания. Авторы делают заключение, что поддержание психического состояния лжи требует большего исполнительного контроля, чем психическое состояние, сопровождающее корректное предоставление информации.

При оценке влияния детских воспоминаний на временную динамику формирования ложных убеждений показано, что высокая убежденность респондентов в достоверности ложной информации делает ее неотличимой от подлинной информации (Bays et al., 2013). Авторы подчеркивают, что в этой ситуации люди, принимающие решения о правдивости респондентов, например, присяжные, с высокой вероятностью могут принять ложную информацию за истинную.

Исследовано воздействие дезинформации на характеристики ответственности и волевых качеств студентов (Reinhard et al., 2013). В результате исследования выяснилось, что

если у испытуемых наблюдался феномен «истощения Эго», проявляющийся ослаблением самоконтроля, то у них снижалась способность отличить правду от лжи. Выявлена связь скрытой информации с когнитивными процессами, но не с характеристиками мотивации социальной желательности (Detecting concealed information ..., 2014). В частности, была установлена умеренная отрицательная корреляция между значимостью ложной информации и параметрами временной памяти (пространственной и вербальной).

При сравнении субъективной эффективности распознавания лжи сотрудниками силовых структур и студентами, где в качестве стимульного материала использовали видеозаписи обращений людей в полицию за помощью по поводу различных происшествий, показано, что сотрудники силовых структур определяют ложь более уверенно и категорично, чем студенты (Whelan et al., 2015). Однако авторы статьи однозначно утверждают, что эти различия обусловлены только недостаточностью практического опыта у студентов и что после проведения соответствующих обучающих мероприятий и тренингов различия между сравниваемыми группами нивелируются.

Ряд исследователей проанализировали личностную тревожность и эффективность распознавания лжи испытуемыми всех возрастных групп. Было установлено, что существует положительная корреляция между уровнем тревожности и выявлением лжи этими респондентами (Deciphering the riddle ..., 2016).

В литературе представлены результаты исследования эффекта «иллюзии правды» – когнитивного искажения, которое выражается в склонности человека верить в достоверность информации после ее многократного восприятия и воспроизведения. M. Szpitalak (2017) научно обосновывает, почему респондентов можно ввести в заблуждение, повторяя ложную информацию, что имеет место в политике (агитация и пропаганда) и в рекламе (средства массовой информации и коммуникации). В исследовании было констатировано, что эффект иллюзии правды наиболее часто наблюдается у респондентов, не располагающих достаточной информацией о предмете искажения.

Изучая последствия намеренной лжности моральных суждений, S. Wu с соавторами (2018) обнаружили, что ложь, ориентированная на других, является нравственной проблемой, так как для достижения требуемого

результата совершается аморальный поступок. При этом эта ложь, ориентированная на себя, переживается с чувством меньшего напряжения, чем ложь, ориентированная на других. По нашему мнению, причиной этого являются следствия фундаментального принципа атрибуции, широко применяемого в социальной психологии.

Психическое состояние лжи мотивирует респондентов на лучшее запоминание, воспроизведение и сохранение во времени деталей представляемой ложной информации (Harvey et al., 2019).

Исследуя психологический феномен ложных воспоминаний, L.M. Knott и D. Shah (2019) установили, что воспоминания могут быть искажены под воздействием внешних факторов, возникающих уже после событий, которые отложились в памяти, вызывая эффект дезинформации. Авторы сделали вывод о том, что содержание психики человека может заполняться ложными воспоминаниями, которые под названием нечетких следов фигурируют в протоколах судебных допросов.

В работе T. Benedict с соавторами (2019) показано, что предъявляемая дезинформация с одной стороны формирует ложную память, а с другой стороны – ухудшает функционирование памяти человека в целом.

В психологическом эксперименте, изучая воспроизводимость показаний респондентов (лжецов и говорящих правду) в повторных интервью С.А. Hudson с соавторами (2019) заявляют, что, несмотря на распространенное мнение о том, что склонность к изменению показаний является признаком обмана, ими не обнаружены доказательства, свидетельствующие в пользу этого утверждения. При этом у них не вызывает сомнений, что лжецы в своих «воспоминаниях» более последовательны, чем рассказчики правды (The devil is in the detail ..., 2019).

В литературе представлен анализ феномена Ксандры, который описывает ситуацию неспособности лица, располагающего объективной информацией о предстоящем событии, донести ее до реципиента (Pilditch et al., 2020). Авторы статьи интерпретируют этот феномен как следствие недоверия, имеющего скрытые мотивы. Из этого авторы делают заключение, что человек, к которому есть доверие, может обмануть, оставаясь незамеченным во лжи и безнаказанным, в то время как человек, который заслуживает доверия, обречен на подо-

зрения, несмотря на то, что он говорит истинную правду, и в конечном итоге ощутит негативные последствия.

Таким образом, в зарубежной психологии XXI века уточняются психологические и психофизиологические механизмы лжи. В частности, описывается механизм когнитивного искажения и контроля, вербальные и невербальные признаки обмана. Активно исследуется психологический портрет лжеца, феномен ложных воспоминаний, роль ответственности, волевых качеств и поведенческих признаков в распознавании лжи.

В отечественной психологии масштабное исследование психологии лжи началось в конце 80-х годов XX века. В.В. Знаков (1993) пишет, что ложь представляет собой сознательную передачу информации, не соответствующую реальности. Неправда, по мнению В.В. Знакова, является эквивалентом заблуждения, полуправда – разновидностью обмана, при которой сообщаются не все подлинные факты.

В словаре практического психолога ложь характеризуется как «феномен общения, состоящий в намеренном искажении действительного положения вещей, выражающийся в содержании речевых сообщений, немедленная проверка которых затруднительна или невозможна».

По мнению И.П. Шкуратовой (2009), суть лжи состоит в том, что человек думает одно, а в общении сознательно выражает другое. Автор, с учетом мотивов, характера и последствий лжи, выделяет следующие «виды лжи: умолчание, сокрытие, этикетная ложь, ложь во благо, ложь-заблуждение, ложь-фантазия, ложь-самопрезентация, ложь-розыгрыш, ложь-оправдание, ложь-наговор, мошенничество, ложь-предательство, ложь как атрибут профессии».

Отечественными психологами исследовалась регулятивная функция дезинформации в процессе межличностного общения, под которой подразумевался особый вид лжи, предполагающий намеренное введение в заблуждение субъекта общения с помощью предоставления заведомо ложной информации. Также изучалась зависимость представлений о лжи и поведенческих стратегий в ситуации социально-психологической адаптации. Феномен лжи рассматривается как характеристика адаптивного поведения. Описаны «покорно-застенчивая или зависимо-послушная

стратегия поведения, использующая ложь для самозащиты); «сотрудничающе-конвенциальная или ответственно-великодушная стратегия поведения, применяющая ложь ради сохранения социальных отношений»; «властно-лидирующая, независимо-доминирующая, прямолинейно-агрессивная стратегия поведения», использующая ложь для достижения личных целей. Были проанализированы подходы к пониманию лжи и ее проявлений на психофизиологическом, психологическом и социально-психологическом уровнях функционирования психики, установлено, что образование ложной информации определяется в основном субъективными факторами, такими как: низкий моральный и культурный уровень, отрицательная направленность личности, низменные чувства и черты характера (эгоизм, зависть, безволие, корысть, правовая неосведомленность).

Многие российские специалисты отмечают взаимосвязь образа ситуации лжи с деятельностью человека, предлагают типологию лжи на основе ее социально-психологических особенностей, выделяют социально одобряемые альтруистическую, эгоистическую ложь и ложь социально отвергаемую. В этом контексте рассматривается проблема искренности – неискренности в межличностных отношениях людей, суть которой состоит в искренности или неискренности человека в своих мыслях и чувствах, обращенных на субъект общения. При этом большое внимание уделяется причинам и проявлениям склонности лгать у различных категорий учащихся, которые обусловлены их возрастными, гендерными, личностными, культурными и интеллектуальными особенностями. Не вызывает сомнений, что причины склонности ко лжи кроются в таких индивидуально-личностных особенностях, как дезадаптированность, экстернальность, враждебность, альтруистичность, эгоизм, восприимчивость, повышенная тревожность, страхи.

В частности, проанализированы особенности невербального поведения при сообщении ложной информации, проявляющиеся в разнонаправленности движений левой и правой частей тела и выраженной жестикуляцией. Обсуждены относительная польза и вред, приносимые ложью в жизнь общества; отмечено, что ни при каких условиях ложь не является эффективным методом утверждения нравственных принципов, а социальные сте-

реотипы о пользе лжи не имеют под собой никакой основы.

Достаточно хорошо изучены процессуальные вопросы применения полиграфа (детектора лжи) в уголовном судопроизводстве¹. Считается, что предметом судебно-психофизиологических экспертиз является информация, содержащаяся в памяти человека и то, при каких обстоятельствах она получена. Автор особо подчеркивает, что с помощью полиграфа ложные воспоминания невозможно отличить от истинных, хранящихся в памяти.

Интерес вызывают результаты исследования, направленного на выяснение психологических механизмов воздействия намеренной лжи на содержание автобиографических воспоминаний². Описан «мнемический эффект отречения», суть которого состоит в том, что при намеренном отрицании правды (которое также называется ложным отрицанием события) запускается психофизиологический процесс ее забывания, в механизме которого большую роль играет активизация психического процесса сомнения, обуславливающего субъективную оценку иллюзорности события, имевшего место в реальности. То есть, более кратко «эффект отречения» – это забывание прежде несомненно истинного воспоминания после его ложного отрицания.

В работе В.В. Нурковой и Д.А. Василенко (2017) оценена роль воображения в искажении результатов извлечения информации из памяти. Авторы констатируют, что «для того, чтобы автобиографическое воспоминание было принято как истинное, оно должно опираться на детализированный образ, который может быть как результатом проживания реального события, так и результатом акта воображения. Частота присвоения ложного воспоминания возрастает в том случае, если его описание исходит из заслуживающего доверия источника и оценивается как высоковероятное. Многократное включение сконструированного воспоминания в психологический обиход делает его практически неотличимым от ранее сформировавшихся воспоминаний».

¹ Комиссарова Я.В. Основы полиграфологии: учебник для магистров. М.: Проспект, 2016. 192 с.

² Нуркова В.В. Мнемический эффект отречения: намеренное отрицание автобиографических воспоминаний ведет к их забыванию // От истоков к современности. 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сб. материалов. М., 2015. С. 208–210.

Из приведенной информации, изложенной в трудах В.В. Нурковой, можно сделать следующие заключения:

1. Большинство испытуемых после акта лжи в еще большей степени настаивают на отсутствии данных событий в своем прошлом, хотя при этом понимают, что это продукт их воображения, четко разделяют правду и вымысел.

2. Намеренное ложное отрицание события (отрицание правды) провоцирует процессы его забывания (через механизм активизации сомнения создается «частичная иллюзорность» события).

3. Направленное забывание обусловлено процессом избирательного повторения: человек многократно повторяет стимулы, предназначенные для запоминания, и избегает повторение стимулов, предназначенных для забывания.

4. Для того чтобы автобиографическое воспоминание было принято, как истинное, оно должно опираться на детализированный образ, который может быть, как результатом проживания реального события, так и результатом акта воображения. Частота присвоения ложного воспоминания возрастает в том случае, если его описание исходит из заслуживающего доверия источника и оценивается как высоковероятное. Многократное включение сконструированного воспоминания в психологический обиход делает его практически неотличимым от ранее сформировавшихся воспоминаний.

5. Если испытуемый пытается вспомнить то, чего не было, он отправляет системе репрезентации запоминаемого материала неадекватный запрос. Это приводит к тому, что вынужденно запускается операция забывания, представляющая собой активное размыкание сформированных в процессе запоминания содержательных связей между составляющими ее элементами.

Заключение

Проведенный анализ литературных источников показал, что у ряда древнегреческих философов ко лжи было достаточно лояльное отношение, они считали применение лжи вполне уместным стилем поведения, особенно в том случае, когда это могло принести человеку выгоду. В европейском Средневековье существовало две основных культурных позиции в отношении общества к феномену

лжи. Первая принадлежала духовенству и заключалась в терпимом отношении к отступлению от истины, второй придерживались средневековые мыслители, радикально отрицавшие приемлемость употребления лжи в общественной жизни.

Следует подчеркнуть, что не только христианство, но также ислам и буддизм придерживались сходных позиций по отношению ко лжи. Все три мировых религии осуждали ложь, но допускали в некоторых особых случаях ее использование. Феномен лжи сопровождает человеческое общество с самого начала его развития и подвергается официальному ostracismu различными культурами в Древнем и Средневековом мире, но принимался в качестве неизбежного стиля общения, с которым обществу приходится мириться и сосуществовать.

Представляется важным, что с начала XX века и зарубежных, и отечественных ученых-гуманитариев перестает интересовать нравственная сторона лжи, прекращается ее осуждение как негативного явления в жизни общества. Специалистов больше интересует ложь как сознательное или бессознательное внушение какой-либо информации; как осознанное неверное показание, преследующее личную выгоду; как сложное психическое состояние, затрагивающее эмоциональную и когнитивную сферы.

В зарубежной психологии второй половины XX – начала XXI века уточняются психологические и психофизиологические механизмы лжи. В частности, описывается механизм когнитивного искажения и контроля, вербальные и невербальные признаки обмана. Активно исследуется психологический портрет лжеца, феномен ложных воспоминаний, роль ответственности, волевых качеств и поведенческих признаков в распознавании лжи, проводятся исследования с применением полиграфа.

В отечественной психологии масштабное исследование феномена лжи началось в конце XX века. Ложь определялась как умышленная передача сведений, не соответствующих действительности; неправда характеризовалась как эквивалент заблуждения, а полуправда – как разновидность обмана, при которой сообщаются не все подлинные факты. При этом подчеркивалось, что ложь основывается на вербальном или невербальном намеренно неистинном утверждении.

На сегодняшний день считается, что ложь выступает «феноменом общения, состоящим в намеренном искажении действительного положения вещей, феномен лжи рассматривается как характеристика адаптивного поведения. Социально-психологическая типология лжи включает в себя социально одобряемую альтруистическую ложь, социально одобряемую эгоистическую ложь, социально принимаемую ложь, социально отвергаемая ложь. Склонность ко лжи может быть обусловлена возрастными, гендерными, личностными, культурно-обусловленными, средовыми и интеллектуальными особенностями. Также ложь и лживость имеет отрицательные и положительные корреляции с рядом личностных особенностей, таких как: тревожность, агрессивность, эгоистичность, экстернальность, альтруистичность, самооценка и социальная желательность, уровень развития умственных способностей.

Большое внимание отечественные специалисты уделяют получению криминалистически значимой информации идеального следообразования, основанного на субъективных образах, формируемых в психике человека и хранящихся в его памяти, с учетом критериев неправды, лжи и обмана. Широко используется и обсуждается инструментальная детекция лжи с применением полиграфа.

В отечественной психологии большое внимание уделяется выяснению психофизиологических механизмов лжи. В частности, установлено, что большинство испытуемых после свидетельствования лжи в еще большей степени настаивают на отсутствии данных событий в своем прошлом, хотя при этом понимают, что это продукт их воображения, четко разделяют правду и вымысел. Показано, что намеренное ложное отрицание события (отрицание правды) провоцирует процессы его забывания (через механизм активизации сомнения создается «частичная иллюзорность» события), а направленное забывание обусловлено процессом избирательного повторения: человек многократно повторяет стимулы, предназначенные для запоминания, и избегает повторения стимулов, предназначенных для забывания.

Механизм субъективной истинности воспоминания базируется на детализированном образе, который может быть, как результатом проживания реального события, так и результатом акта воображения. Частота присвоения ложного воспоминания возрастает в том случае,

если его описание исходит из заслуживающего доверия источника и оценивается как высоко вероятное. Многократное включение сконструированного воспоминания в психологический обиход делает его практически неотличимым от ранее сформировавшихся воспоминаний.

Литература

1. Арнаутова, Ю.Е. «Ложь» и «ложь святая»: к проблеме обмана в контексте средневекового благочестия / Ю.Е. Арнаутова // История. – 2018. – Т. 9, вып. 9 (73). – <https://history.jes.su/s207987840002377-3-1/> (дата обращения: 09.04.2020). DOI: 10.18254/S0002377-3-1.

2. Знаков, В.В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания / В.В. Знаков // Вопросы психологии. – 1993. – № 2. – С. 9–16.

3. Карабыков, А.В. Проблема лжи в трудах средневековых христианских мыслителей / А.В. Карабыков // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. – 2013. – № 2 (22). – С. 177–185.

4. Маккей, Ч. Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы / Ч. Маккей, пер. Д. Кириченко. – М.: Альпина Паблишер, 2020. – 684 с.

5. Мясников, А.Г. Античная философия о целесообразности и вынужденном характере лжи // А.Г. Мясников / Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2009. – № 11 (15). – С. 12–16.

6. Нуркова, В.В. Сила воображения и слабость датировки: о двух источниках искажений в автобиографической памяти / В.В. Нуркова, Д.А. Василенко // Психология и право. – 2017. – Т. 7, № 1. – С. 182–192.

7. Рябинская, Т.С. Феномен лжи и обмана в рамках этико-религиозного подхода / Т.С. Рябинская // Молодой ученый. – 2015. – № 13 (93). – С. 835–838.

8. Фрай, О. Детекция лжи и обмана / О. Фрай; под общ. науч. ред. проф. А.А. Алексеева. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. – 320 с.

9. Фрейд, З. Психопатология обыденной жизни / З. Фрейд. – М.: Современные проблемы, 1910. – 210 с.

10. Хайдеггер, М. О сущности истины / М. Хайдеггер // Разговор на проселочной дороге. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 8–27.

11. Цицерон, М.Т. Философские трактаты. Об обязанностях. Книга III / М.Т. Ци-

церон. – М.: Наука, 1993. – 102 с. – <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1423775003> (дата обращения 12.01.2020)

12. Экман, П. Почему дети лгут / П. Экман. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 272 с.

13. Bays, R.B. Timing does matter: Examining imagery's impact on the temporal origins of false beliefs / R.B. Bays, M.A. Foley, K.M. Zabrocky // *Acta Psychologica*. – 2013. – № 142. – P. 30–37. DOI: 10.1016/j.actpsy.2012.10.004.

14. Benedict, T. The influence of misinformation manipulations on evaluative conditioning / T. Benedict, J. Richter, A. Gast // *Acta Psychologica*. – 2019. – № 194. – P. 28–36. DOI: 10.1016/j.actpsy.2019.01.014.

15. Debey, E. Lying and executive control: An experimental investigation using ego depletion and goal neglect / E. Debey, B. Verschuere, G. Crombez // *Acta Psychologica*. – 2012. – № 140. – P. 133–141. DOI: 10.1016/j.actpsy.2012.03.004.

16. Deciphering the riddle of human deceit detection: groups comprising a higher number of anxious people are better at distinguishing lies from truth / T. Ein-Dor, A. Perry-Paldi, T. Daniely et al. // *Psychology, Crime & Law*. – 2016. – Vol. 22, № 10. – P. 945–956. DOI: 10.1080/1068316X.2016.1202251.

17. Detecting concealed information: The role of individual differences in executive functions and social desirability / G. Visu-Petra, M. Miclea, I. Bus, L. Visu-Petra // *Psychology, Crime & Law*. – 2014. – Vol. 20, № 1. – P. 20–36. DOI: 10.1080/1068316X.2012.736509

18. Harvey, A.C. Amplifying deceivers' flawed metacognition: Encouraging disclosures after delays with a model statement / A.C. Harvey, A. Vrij, S. Leal et al. // *Acta Psychologica*. – 2019. – № 200. – P. 2–11. DOI: 1016/j.actpsy.2019.102935.

19. Knott, L.M. The effect of limited attention and delay on negative arousing false memories / L.M. Knott, D. Shah // *Cognition and emotion*. – 2019. – Vol. 33, № 7. – P. 1472–1480. DOI: 10.1080/02699931.2018.1556153.

20. Officers as lie detectors. Guilty before charged / J. Masip, E. Garrido, C. Herrero et al. // *Current themes in social psychology, Chapter 11*, Publisher: The University of the West Indies Press. – 2006. – P. 187–205.

21. Pilditch, T.D. False prophets and Cassandra's curse: The role of credibility in belief updating / T.D. Pilditch, J.K. Madsen, R. Custers // *Acta Psychologica*. – 2020. – № 202. – P. 2–12. DOI: 10.1016/j.actpsy.2019.102956.

22. Reinhard, M.-A. Too exhausted to see the truth: Ego depletion and the ability to detect deception / M.-A. Reinhard, M. Scharmach, D. Stahlberg // *British journal of Social Psychology*. – 2013. – № 52. – P. 618–630. DOI: 10.1111/j.2044-8309.2012.02113.x

23. Reynolds, E. Cues to deception in context: Response latency/gaps in denials and blame shifting / E. Reynolds, J. Rendle-Short // *British Journal of Social Psychology*. – 2011. – № 50. – P. 431–449. DOI: 10.1348/014466610X520104.

24. Szpitalak, M. The indirectly generated tainted truth effect: warning is not necessary to worsen the testimony of non-misled persons / M. Szpitalak // *Psychology, Crime & Law*. – 2017. – Vol. 23, № 4. – P. 323–341. DOI: 10.1080/1068316X.2016.1258470.

25. The devil is in the detail: deception and consistency over repeated interviews / C.A. Hudson, A. Vrij, L. Akehurst, L. Hope // *Psychology, Crime & Law*. – 2019. – Vol. 25, № 7. – P. 752–770. DOI: 10.1080/1068316X.2019.157790.

26. Whelan, C.W. High stakes lies: police and non-police accuracy in detecting deception / C.W. Whelan, G. Wargstaff, J.M. Wheatcroft // *Psychology, Crime & Law*. – 2015. – Vol. 21, № 2. – P. 127–138. DOI: 10.1080/1068316X.2014.935777.

27. Wu, S. The asymmetric effect of regulatory fit on moral judgments of other-oriented lies / S. Wu, T. Yuan, S. Jin // *International journal of Psychology*. – 2020. – Vol. 55, is. 2. – P. 282–290 DOI: 10.1002/ijop.12561.

Башкатов Сергей Александрович, доктор биологических наук, кандидат психологических наук, профессор, Башкирский государственный университет (Уфа), s_bashkatov@list.ru, ORCID: 0000-0001-7181-9230

Гайнуллина Светлана Маратовна, магистр психологии, инженер, Башкирский государственный университет (Уфа), sm_gaynullina@bk.ru, ORCID: 0000-0002-3724-7993

Поступила в редакцию 30 апреля 2020 г.

THE PHENOMENON OF LIES IN DOMESTIC AND FOREIGN PSYCHOLOGY

S.A. *Bashkatov*, s_bashkatov@list.ru, ORCID: 0000-0001-7181-9230

S.M. *Gaynullina*, sm_gaynullina@bk.ru, ORCID: 0000-0002-3724-7993

Bashkir State University, Ufa, Russian Federation

Background. The paper presents the results of analysis of the lie category research carried out in the XX–XXI centuries by domestic and foreign scientists. Many authors note that lying as a psychological phenomenon has been studied inconsistently and rather fragmentarily. The diversity of existing definitions of lies emphasizes the complexity of this phenomenon and indicates its insufficient theoretical elaboration, as well as the need to form a holistic, scientifically based understanding of the psychological nature of lies. **Aim.** The paper presents a comparative analysis of domestic and foreign research on the phenomenon of lies carried out in the XXI century. **Results.** It has been established that in the XX century researchers ceased to study the moral side of lies giving preference to its formal and dynamic features. In the XXI century, foreign experts describe the mechanism of cognitive distortion and control, as well as verbal and non-verbal signs of deception. The psychological portrait of a liar, the phenomenon of false memories, the role of responsibility, volitional qualities and behavioral attributes in the recognition of lies are being actively studied using a polygraph. Domestic science clarifies the phenomenology of lies, its psychological and psychophysiological mechanisms and pays particular attention to the subjective truth of the liar’s memories. **Conclusion.** An essential feature of domestic studies on the psychology of lies in the 21st century is the focus on elucidating its psychological mechanisms based on the phenomena of subjective construction of memories, false memories and false denial.

Keywords: lies, history of lies, phenomenon of lies, domestic and foreign psychology, modernity.

References

1. Arnautova Yu.E. [“Lies” and “holy lies”: the problem of deception in the context of medieval piety]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal “Istoriya”* [Electronic Scientific and Educational Journal “History”], 2018, vol. 9, no. 9 (73). DOI: 10.18254/S0002377-3-1. [https:// history.jes.su/s207987840002377-3-1/](https://history.jes.su/s207987840002377-3-1/) (accessed: 09.04.2020). (in Russ).
2. Znakov V.V. [Falsehood, falsehood and deception as problems of the psychology of understanding]. *Voprosy psikhologii* [Psychology Issues], 1993, no. 2, pp. 9–16. (in Russ).
3. Karabykov A.V. [The problem of lies in the works of medieval Christian thinkers]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy Series. Sociology. Political science], 2013, no. 2 (22), pp. 177–185. (in Russ).
4. Mackay Ch. *Naibolee rasprostranennye zabluzhdeniya i bezumstva tolpy*. [The most common misconceptions and insanity of the crowd]. Translation D. Kirichenko, Moscow, Alpina Publisher, 2020. 684 p. (in Russ).
5. Myasnikov A.G. [Antique philosophy of the expediency and compelled nature of lies]. *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo* [Bulletin of the Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky], 2009, no. 11 (15), pp. 12–16. (in Russ).
6. Nurkova V.V., Vasilenko D.A. [The power of imagination and the weakness of dating: about two sources of distortion in autobiographical memory]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2017, vol. 7, no. 1, pp. 182–192. (in Russ).
7. Ryabinskaya T.S. [The phenomenon of lies and deception in the framework of the ethical-religious approach]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2015, no. 13 (93), pp. 835–838. (in Russ).

8. Frai O. *Detektsiya lzhi i obmana* [Lie and deception detection]. Ed. scientific. Ed. of Alekseeva A.A. Saint-Petersburg, Praim-Evroznak, 2005. 320 p.
9. Freud Z. *Psikhopatologiya obydennoi zhizni* [Psychopathology of everyday life]. Moscow, Modern problems, 1910. 210 p. (in Russ).
10. Heidegger M. *O sushchnosti istiny* [On the essence of truth]. *Razgovor na proselochnoi doroge* [Conversation on a country road]. Moscow, Higher school, 1991. pp. 8–27. (in Russ).
11. Cicero M.T. *Filosofskie traktaty. Ob obyazannostyakh Kniga III* [Philosophical treatises. On Duties Book III]. Moscow, Nauka, 1993. 102 p. Available at: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1423775003> (accessed: 12.01.2020) (in Russ).
12. Ekman P. *Pochemu deti lgut* [Why do children lie]. Moscow, Pedagogy-Press, 1993, 272 p. (in Russ).
13. Bays R.B., Foley M.A., Zabrocky K.M. Timing does matter: Examining imagery's impact on the temporal origins of false beliefs. *Acta Psychologica*, 2013, no. 142, pp. 30–37. DOI: 10.1016/j.actpsy.202.10.004.
14. Benedict T., Richter J., Gast A. The influence of misinformation manipulations on evaluative conditioning. *Acta Psychologica*, 2019, no. 194, pp. 28–36. DOI: 10.1016/j.actpsy.2019.01.014.
15. Debey E., Verschuere B., Crombez G. Lying and executive control: An experimental investigation using ego depletion and goal neglect. *Acta Psychologica*, 2012, no. 140, pp. 133–141. DOI: 10.1016/j.actpsy.2012.03.004.
16. Ein-Dor T., Perry-Paldi A., Daniely T. et.al. Deciphering the riddle of human deceit detection: groups comprising a higher number of anxious people are better at distinguishing lies from truth. *Psychology, Crime & Law*, 2016, vol. 22, no. 10, pp. 945–956. DOI: 10.1080/1068316X.2016.1202251.
17. Visu-Petra G., Miclea M., Bus I. et.al. Detecting concealed information: The role of individual differences in executive functions and social desirability. *Psychology, Crime & Law*, 2014, vol. 20, no. 1, pp. 20–36. DOI: 10.1080/1068316X.2012.736509.
18. Harvey A.C., Vrij A., Leal S. et.al. Amplifying deceivers' flawed metacognition: Encouraging disclosures after delays with a model statement. *Acta Psychologica*, 2019, no. 200, pp. 2–11. DOI: 1016/j.actpsy.2019.102935.
19. Knott L.M., Shah D. The effect of limited attention and delay on negative arousing false memories. *Cognition and emotion*, 2019, vol. 33, no. 7, pp. 1472–1480. DOI: 10.1080/02699931.2018.1556153.
20. Masip J., Garrido E., Herrero C. Officers as lie detectors. Guilty before charged. Current themes in social psychology, Chapter 11, Publ. The University of the West Indies Press, 2006. pp. 187–205.
21. Pilditch T.D., Madsen J.K., Custers R. False prophets and Cassandra's curse: The role of credibility in belief updating. *Acta Psychologica*, 2020, no. 202, pp. 2–12. DOI: 10.1016/j.actpsy.2019.102956.
22. Reinhard M.-A., Scharmach M., Stahlberg D. Too exhausted to see the truth: Ego depletion and the ability to detect deception. *British journal of Social Psychology*, 2013, no. 52, pp. 618–630. DOI: 10.1111/j.2044-8309.2012.02113.x
23. Reynolds E., Rendle-Short J. Cues to deception in context: Response latency/gaps in denials and blame shifting. *British journal of Social Psychology*, 2011, no. 50, pp. 431–449. DOI: 10.1348/014466610X520104
24. Szpitalak M. The indirectly generated tainted truth effect: warning is not necessary to worsen the testimony of non-misled persons. *Psychology, Crime & Law*, 2017, vol. 23, no. 4, pp. 323–341. DOI: 10.1080/1068316X.2016.1258470
25. Hudson C.A., Vrij A., Akehurst L. et.al. The devil is in the detail: deception and consistency over repeated interviews. *Psychology, Crime & Law*, 2019, vol. 25, no. 7, pp. 752–770. DOI: 10.1080/1068316X.2019.157790.

26. Whelan C.W., Wargstaff G., Wheatcroft J.M. High stakes lies: police and non-police accuracy in detecting deception. *Psychology, Crime & Law*, 2015, vol. 21, no. 2, pp. 127–138. DOI: 10.1080/1068316X.2014.935777.

27. Wu S., Yuan T., Jin S. The asymmetric effect of regulatory fit on moral judgments of other-oriented lies. *International journal of Psychology*, 2020, vol. 55, is. 2, pp. 282–290. DOI: 10.1002/ijop.12561.

Received 30 April 2020

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Башкатов, С.А. Характеристика феномена лжи в отечественной и зарубежной психологии / С.А. Башкатов, С.М. Гайнуллина // Психология. Психофизиология. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 5–16. DOI: 10.14529/jpps200301

FOR CITATION

Bashkatov S.A., Gaynullina S.M. The Phenomenon of Lies in Domestic and Foreign Psychology. *Psychology. Psychophysiology*. 2020, vol. 13, no. 3, pp. 5–16. (in Russ.). DOI: 10.14529/jpps200301